

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Домброван Т. И.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

В статье обосновывается необходимость рассмотрения с позиций лингвосинергетики процессов синтаксической деривации; выделяется структурный инвариант предложения с его мощным деривационным потенциалом; делается вывод о фрактальном характере деривационного преобразования языковых структур.

Ключевые слова: синергетическая методология, лингвосинергетика, синтаксическая деривация, предложение, инвариант, вариант, фрактал.

Домброван Т. І. Синтаксична деривація у лінгвосинергетичному висвітленні. У статті обґрунтовано необхідність вивчення з позицій лінгвосинергетики процесів синтаксичної деривації; виокремлено структурний інваріант речення з його могутнім дериваційним потенціалом; зроблено висновок про фрактальний характер дериваційного перетворення мовних структур.

Ключові слова: синергетична методологія, лінгвосинергетика, синтаксична деривація, речення, інваріант, варіант, фрактал.

Dombrovan T. I. Syntactic derivation in a linguosynergetics light. The article presents a new approach to the studies of syntactic derivation, namely in the light of linguosynergetics. The sentence invariant, possessing a powerful derivational potency, is singled out. Syntactic derivation, characterized by fractality, is viewed as a synergetic process.

Key words: synergetic methodology, linguosynergetics, syntactic derivation, sentence, invariant, variant, fractal.

Постановка проблемы в общем виде. В современной лингвистике наблюдается поиск новых подходов к изучению и описанию языковой системы, в том числе и с учётом наработок как в смежных – гуманитарных – науках, так и в науках, на первый взгляд, «далёких» от лингвистики, таких, как, например, физика. Именно в недрах последней зародилась новая научная парадигма – синергетическая, позволяющая по-новому взглянуть на сложные системы различной природы. Поскольку предметом исследования синергетики являются сложноорганизованные системы, методологические принципы синергетики оказались валидными и в отношении других (не только физических) сложных систем, изучаемых широким спектром дисциплин, что «дало возможность создать новые приложения и подходы» [25, 12]. Одним из таких подходов к изучению языка как сложноорганизованной системы следует считать лингвосинергетику. Конструктивное приложение концепций и категорий синергетики к лингвистическим исследованиям является актуальным и обусловлено переносом исследовательского интереса с изучения системы языка в её статике на изучение языковой системы, как непрестанно изменяющейся под воздействием внешних и внутренних факторов.

Лингвосинергетика определяется нами как один из методологических подходов к описанию динамического пространства языка, представляющего собой последовательную смену во времени состояний изменчивой языковой мегасистемы. Новая научная парадигма позволяет взглянуть на язык как на открытую, динамическую, нелинейную, неравновесную

мегасистему, состоящую из множества сложноорганизованных ко-эволюционирующих систем и подсистем, управляемых определенными параметрами порядка с целью сохранения стабильности данной системы.

Синергетическая парадигма неизбежно приводит к переосмыслению многих ключевых понятий в лингвистике. **Цель статьи** – рассмотреть с позиций синергетики синтаксическую деривацию как «фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных суппозиций» [8, 65]. Необходимость и возможность открытия новых перспектив в изучении ставших, казалось бы, традиционными лингвистических понятий обуславливают актуальность нашего исследования.

Изложение основного материала исследования. Как известно, термин *деривация* был введен в научный обиход польским исследователем Е. Куриловичем в первой трети XX в. для описания словообразовательных отношений. Автор рассматривал два типа деривации – лексическую и синтаксическую. К лексической деривации относилось такое соотношение производящего и производного слов, при котором они различались лексическим значением. Если же понятийное тождество производящего и производного слов сохранялось, но различались их синтаксические функции, говорили о синтаксической деривации [13]. В современной лингвистике термин *деривация* используется значительно шире – не только для обозначения процессов словообразования и словоизменения, но также трансформационных отношений в синтаксисе и формально-семантической производности текстов [см.: 16–21]. Деривационный потенциал разноуровневых языковых единиц, по сути, определяет динамический характер их функционирования, является движущей силой в их развитии и преобразовании, что в конечном итоге придаёт

всей языковой системе динамизм и неустойчивость: «В каждый момент язык объединяет в себе одновременно наследие и преобразование – наследие, полученное от прошлого, и преобразование – организацию полученного наследия» [7, 61].

Диалектическое единство процесса и состояния, динамики и статике, неравновесности и стремления к самосохранению характеризует языковую систему в целом, определяет её развитие и способствует её «выживанию». Ср.: «система должна быть подвижной, вечно меняющейся и творческой. <...> Основное условие для системы чего бы то ни было есть и её внутренняя диалектическая самоподвижность и её внешнее стремление к другим возможным системам» [14, 66].

Деривационные процессы, происходящие на разных уровнях языковой системы, стали предметом исследования дериватологии, изучающей процессы образования динамических моделей языка [21, 61; 10; 18; 19]. Рассмотрение деривации как непрерывного динамического процесса, пронизывающего все уровни языковой системы, моделирование и изучение условий реализации потенциала деривационного поведения компонентов данной системы представляется особенно плодотворным в контексте синергетической парадигмы.

Синергетическую парадигму сравнивают с голографической парадигмой, «где по части может достроиться (самоорганизоваться) немеханическое динамическое целое» [3, 101]. Это наука о становящемся бытии, о самом становлении, его механизмах и их представлении [3, 78], теория эволюции и самоорганизации сложных систем мира [12].

Концептуальный аппарат синергетики включает ряд новых для лингвистики понятий. В контексте данной статьи релевантными являются понятия аттрактора, бифуркации и фрактала.

Под *аттрактором* понимаются «те способы (формы) организации процессов в открытых нелинейных средах разной природы, те относительно устойчивые макросостояния, на которые выходят процессы эволюции в этих средах в результате затухания, исчезновения промежуточных, или переходных явлений» [12]. *Бифуркация* определяется как состояние системы перед выбором возможных вариантов дальнейшего развития, это «ситуация формирования причин, ведь именно в этой ситуации появляются варианты дальнего порядка» [9, 6]. При этом отмечается многовариантность альтернатив развития системы: «всякая сложноорганизованная система имеет, как правило, не единственный, а множество собственных, отвечающих её природе, путей развития» [12].

Понятие *фрактал* и производные от него понятия *фрактальность*, *фрактальное множество* определяются неоднозначно у многих исследователей в связи с многомерностью содержания, вкладываемого в эти понятия. Фракталом (от лат. fractus – дробный, ломаный) называют явления масштабной инвариантности, когда последующие формы самоорганизации систем напоминают по своему строению предыдущие [11, 9]. Фракталом считают «переходное, квазиустойчивое состояние становящейся

системы» [6], в котором совмещаются «черты двух типов самоподобия – вихревого (по логарифмическому закону) и ветвящегося (по дихотомическому способу)» [15, 84–85]. Доказывается, что фрактальность есть одно из всеобщих фундаментальных свойств бытия, позволяющее представлять пространство как линейное, нелинейное и фрактальное (дробное) [17, 80].

Применительно к языку фрактал определяют и как «первоструктуру коммуникации», объясняющую «динамическую рекурсию взаимосопрежения, непрестанной когнитивной и лингвистической трансформации организма и среды» [23, 11], и как средство формирования «итерационного процесса формообразования» [23, 32]. С позиций фрактальности, язык может быть представлен как сложная иерархически организованная нелинейная модель (множество), характеризующаяся дискретностью (делимостью, «ветвлением», что является основанием для подобия составляющих её подмножеств) и непрерывностью процесса саморазвития как бесконечного перехода из одного состояния в другое, что, в свою очередь, находит выражение в изменчивости внешней формы.

Сказанное позволяет по-новому взглянуть на природу деривации вообще и синтаксической деривации в частности. Представляется возможным говорить о фрактальности деривационного преобразования языковых структур, их «формальной подгонки» для обработки и передачи изменчивой по содержанию информации.

Процесс познания иногда определяют как процесс случайных и фрактальных блужданий, языковых игр и экспериментов [23, 124], при этом фрактальные блуждания, в отличие от случайных, выводят систему на аттракторы – «паттерны и макропорядки, которые эволюционно притягивают сложные системы» [23, 125]. Такими паттернами, очевидно, можно считать глубинные семантико-синтаксические структуры.

Исследовательская мысль на протяжении длительного времени бьётся над решением ряда вопросов, связанных с отношением между языком и мышлением, структурой мысли и способах её языкового представления, стремясь установить связь между «мыслью, которая может материализоваться в языке, и языком, у которого нет иной функции, как «означать»» [5, 105]. Проблема построения синтаксической деривационной парадигмы неизбежно требует разрешения вопроса о вариантах и инварианте предложения. Инвариант должен выступать в качестве «общего знаменателя» [20, 218; 26, 139], который позволит сопоставить варианты, выявить их сходство и различие, установить между ними связи, в том числе и по типу дополнительной дистрибуции, что в конечном итоге сделает возможным включение тех или иных вариантов в единую парадигму. Таким общим знаменателем, находящимся в основе комплексного описания соотношения между структурой мысли и языком, выступает свернутая субъектно-предикатная структура *предмет-признак*. Данный подход основывается на философском понимании предмета (субстанции). Ещё древние

мыслители заметили, что в мире нет «просто» предмета. Любой предмет определяется через его признаки. Фома Аквинский (1225-1274), центральная фигура средневековой философии, вслед за Аристотелем, считал, что «атрибуты, свойства субстанции (качество, количество, отношение, место, время и пр.) являются определениями субстанции» [22, 97]. Г. Гегель определил качество как «тождественную с бытием определенность». Это значит, что качество неотъемлемо от предмета [22, 327]. В современной философии предмету (вещи) можно дать по меньшей мере два основных определения – логическое и онтологическое. С позиций логического подхода, вещь – это «всё то, чему можно приписать какое-то свойство или к чему можно установить какое-то отношение» [24, 32]. Существует ещё онтологическое определение: «Вещь – это система качеств» [24, 32]. Таким образом, отражающаяся в языковом сознании действительность носит предметно-атрибутивный характер, а языковое мышление представляет собой «развёртывание вокруг предмета его признаков на оси реального времени» [26, 139].

Вслед за В. С. Юрченко, свёрнутой субъектно-предикатной структуре противопоставляем развёрнутую субъектно-предикатную структуру (непосредственный признак – предмет – опосредствующий признак – опосредствованный признак) [26, 139]. «Свёрнутая субъектно-предикатная структура выражается в языке обобщенно, именно: через состав подлежащего и состав глагольного сказуемого. Развернутая субъектно-предикатная структура выражается в языке расчленённо – через структуру предложения: атрибут – субъект – предикат – заглагольный член (обстоятельство или дополнение)» [26, 140]. Свёрнутая субъектно-предикатная структура представляет структуру мысли – виртуальное логическое суждение. Развёрнутая субъектно-предикатная структура относится к языку: это инвариантная структура предложения и система частей речи. При этом структура мысли является двучленной, а структура предложения – четырёхчленной [26, 140].

Структурный инвариант предложения обладает мощным деривационным потенциалом, как в сторону отсекаания тех или иных компонентов структуры (которые, однако, могут быть восстановлены на инвариантной базе по голографическому принципу), так и в сторону дальнейшего усложнения любого из компонентов, при этом образующиеся варианты (дериваты) находятся в тесной связи с инвариантом. По словам О. Н. Петровой, инвариант обеспечивает стабильность языковой системы, варианты – её гибкость и выразительность (способность выразить самые тонкие оттенки смысла) [20, 218]. При этом любой производный вариант может быть «свернут» до пределов исходного инварианта (обратная связь).

Здесь следует особо отметить, что синтаксическая деривация затрагивает не только собственно синтаксический уровень, но трансформирует и семантический уровень предложения в целом. Имеется в виду, что одинаковые с точки зрения структурной формулы предложения всё же не будут абсолютно тождественны (по меньшей мере они будут

различаться лексическим наполнением компонентов данных структур). Семантическая структура предложений при сходстве их формально-синтаксической организации также должна рассматриваться как основа для выделения вариантов. Существует тесная сопряжённость семантических ролей аргументов внутри предложения, обуславливаемая, среди прочего, семантической валентностью предиката. Какие-либо изменения в предикатной позиции неминуемо вызывают изменения «далее по цепи».

Деривационный процесс можно представить в виде своеобразного фрактального итерационного «блуждания» мысли (В. В. Тарасенко) по интенциональному (внутриязыковому) пространству в поисках подходящих систем-аттракторов, выводящих её на искомую преобразованную форму выражения. Процесс порождения предложений, по сути, бесконечен, что было убедительно продемонстрировано генеративистами. Но в основе предложений лежат определенные исчислимые структуры-паттерны. С одной стороны, ограничения на длину (простого) предложения могут накладываться валентностью предикатного глагола. С другой стороны, расширение предложения возможно за счёт структур модификации (атрибутивной и/или адвербиальной), сообщающих о практически бесконечных в количественном отношении атрибутах предмета (субстанции) и его связях и отношениях с другими предметами (субстанциями) действительности.

Принцип универсальной взаимосвязи субстанций – мировой ингрессии, отражающей принцип непрерывности, – это точка отсчёта и для диалектики, и для синергетики. При этом подразумевается не статическая взаимосвязь, а динамическая, «энергичная», приводящая к подвижному равновесию в рассматриваемой системе. В языке также всё взаимосвязано: «языки предстают в виде многоуровневых сетей взаимозависимостей» [2, 122], в виде «обширной, строго когерентной системы, состоящей из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое» [7, 106]. Но язык – это подвижная развивающаяся система, и как в таковой, в ней «объединены структуры «разных возрастов», разных стадий развития» [12]. Одной из причин «разновозрастности» языковых структур следует усматривать в процессах синтаксической деривации, происходящих не только в соответствии с параметрами порядка данного языка, но и по «воле» говорящего. По образному выражению Ш. Балли, система языка – «слишком сложная вещь <...> в каких-то точках системы есть движение вперед, в каких-то – откат назад, и в каждый определенный момент очень трудно рассчитать этот языковой актив и пассив; это похоже на линию фронта, где одни части наступают, другие – остаются в арьергарде, а третьи – несут тяжелые потери, пораженные неприятельскими снарядами» [4, 67]. В этом высказывании чётко отражен многовекторный характер внутрисистемного движения, обусловленного, среди прочего и деривационными процессами, но сохраняющего при этом когерентность системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адливанкин С. Ю. О предмете и задачах дериватологии / С. Ю. Адливанкин, Л. Н. Мурзин // Деривация и текст : [межвуз. сб. научн. тр.]. – Пермь : Изд-во Перм.ун-та, 1984. – С. 3–13
2. Ажеж К. Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Клод Ажеж; пер. с фр. – М. : Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
3. Аршинов В. И. Когнитивные основания синергетики / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 67–109.
4. Балли Ш. Язык и жизнь / Шарль Балли; пер.с фр./ вступ. ст. В. Г. Гака. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 232 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1974. – 406 с.
6. Войцехович В. Э. Фрактальная картина мира как основание теории сложности [Электронный ресурс] / В. Э. Войцехович // Известия науки / 14.03.2006. – Режим доступа: <http://www.inauka.ru/blogs/article62789/print.html>.
7. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики : сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена / Гюстав Гийом; [пер. с фр. / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрединой]. – изд. 4-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 232 с.
8. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка : [коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева]. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 65–84.
9. Добронравова И. С. Уроки Пригожина : философские основания и культурный контекст нового понимания мира в постнеклассической науке / И. С. Добронравова // Практична філософія. – К., 2004. – № 2. – С. 3–11.
10. Колоіз Ж. В. Українська оказіональна деривація / Ж. В. Колоіз. – К. : Акцент, 2007. – 310 с.
11. Котельников Г. А. Теоретическая и прикладная синергетика [Электронный ресурс] / Г. А. Котельников. – Режим доступа: <file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%>.
12. Курдюмов С. П. Синергетика: начала нелинейного мышления [Электронный ресурс] / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurdyumovknyaz.htm>.
13. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Ежи Курилович // Ежи Курилович. Очерки по лингвистике : [сб. статей]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
14. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев / [под ред. И. А. Василенко]. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
15. Маврикиды Ф. И. Фракталы : постигая взаимосвязанный мир / Ф. И. Маврикиды // Грани науки : [журнал Благотворительного Фонда «Дельфис»]. – 2000. – № 3. – С. 78–84; послесловие к статье : С. 84–85.
16. Мельник Н. В. Деривация текста в лингвоперсонологическом освещении / Н. В. Мельник // Вестник Челябинского госуд.ун-та. – 2009. – № 7 (188). – Вып. 41. «Филология. Искусствоведение». – С. 106–112.
17. Меньчиков Г. П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия / Г. П. Меньчиков // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – Кн. 4. – С. 80–86.
18. Мурзин Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л. Н. Мурзин // Деривация и история языка : [межвуз. сб. научн. тр.]. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 4–10.
19. Мурзин Л. Н. Принцип деривации и деривационная грамматика / Л. Н. Мурзин // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка : [коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева]. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 238–248.
20. Петрова О. Н. Принципы построения синтаксической деривационной парадигмы / О. Н. Петрова // Синтаксис современного русского языка : I Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» : [сб. тезисов]. – М., 2001. – С. 218.
21. Пономарёв Н. Ф. Статика и динамика в словообразовании / Н. Ф. Пономарёв // Деривация и история языка : [межвуз. сб. научн. тр.]. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 58–64.
22. Спиркин А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 1999. – 816 с.
23. Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В. В. Спиркин; закл. ст. Ю.С. Степанова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
24. Уемов А. И. Системные аспекты философского знания / А. И. Уемов. – Одесса : Студия «Негоциант», 2000. – 160 с.
25. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? / Герман Хакен // Синергетика и психология / [под ред. И. Н. Трофимовой]. – М. : Янус-К, 2000. – Вып. 2 : Социальные процессы. – С. 11–25.
26. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки / В. С. Юрченко; отв. ред. Э. П. Кадькалова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с.